

**УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН**

На правах рукописи

ЛИБЕРМАН

Даниил Александрович

КАРТЕЗИАНСКОЕ ПОНЯТИЕ ОБЪЕКТИВНОСТИ

специальность 09.00.08 – философия науки и техники

**Автореферат диссертации
на соискание ученой степени кандидата философских наук**

Москва – 2011

Работа выполнена в центре Методологии и этики науки Учреждения Российской академии наук

Института философии РАН

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор С.С. Неретина

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор В.М. Розин

кандидат философских наук Беляев Вадим Алексеевич

Ведущая организация: Южный Федеральный университет г. Ростов-на-Дону.

Защита состоится «_____» _____ 2011 года в _____ часов на заседании Диссертационного совета Д 002.015.03 при Учреждении Российской академии наук Институте философии РАН по адресу: 119992, Москва, ул. Волхонка, 14.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Учреждения Российской Академии наук Институте философии РАН

Автореферат разослан «_____» _____ 2011 года

Ученый секретарь диссертационного совета, доктор философских наук

В.И. Шалак

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования

Тема диссертационного исследования относится к анализу одной из важнейших альтернатив в теории познания и в онтологии – к альтернативе классического и неклассического способов мысли. Картезианская методология, гносеология и онтология представляет собой то идейное основание, на котором самим Р.Декартом была построена определенная физическая теория и математика, прежде всего аналитическая геометрия. Этим основанием аналитической философской программы вполне обоснованно противопоставляются принципы некартезианской физики (Г.Башляр) с соотношением неопределенностей и идеей дополнительности, принципы структуралистской математики (программа Н.Бурбаки), некартезианской логики (многозначная логика Н.Белнапа). Изучение принципов картезианской методологии (с присущим ей разделением субъекта *cogito* и объекта, трактовкой ясности как очевидности и непосредственной достоверности, ее аналитичностью ориентирующей исследователя на постижение простых начальных сущностей и др.) позволяет более четко и полно представить набор альтернативных методологических принципов современной науки (ясность как операциональное понятие, приоритетность понятий «функция» и «структура», понимаемой как инвариантность «отношений», поворот к изучению сложно организованных объектов, к анализу неустойчивости, сложности и процессуальности объектов).

Ставшее традиционным противопоставление модерна и постмодерна зиждется на осмыслении перехода от классической новоевропейской философии и науки к современной нам (постсовременной). Хотя эпоха модерна обычно датируется началом XVIII века с Просвещения, однако ее предпосылки и основания закладываются мыслителями Нового времени, в том числе и Декартом¹. Собственно постмодерн является критикой и деконструкцией

¹ Начиная с М. Вебера понятие «модерн» тесно связано европейским рационализмом и рационализацией, то есть приведением мира в согласие с исторически объективированными структурами разума. См. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003.

ценностей и норм культуры модерна. Конечно, современная философия и наука находятся в процессе перехода от классического способа мысли к постклассическому. Этот процесс далеко не завершен, и он основан на радикальной трансформации познавательной парадигмы, которая смещается от построения теории как системы понятий (Г.В.Ф.Гегель) в сторону герменевтического истолкования текста (М.Хайдеггер) и понимания смысла (Ж.Делёз).

Не менее радикальный переход в парадигме научного знания и в понимании разума уже совершался в ходе генезиса классической философии и науки - на рубеже Средневековья – Нового времени. Согласно М. Фуко, классический способ мысли отдал предпочтение разуму, осуществив «великое заточение» неразумия. Классический разум, истолковав неразумие как свою противоположность, объективировал его и тем самым изолировал от своих истоков². Выразителем такого подхода к разуму М. Фуко считает Р. Декарта. В полемике между Ж. Деррида и Фуко, в которой Деррида обратил внимание на некорректность переводов Фуко латинских текстов Декарта, была поставлена более широкая и глубокая проблема – какова же интерпретация разума у Декарта, выносит ли Декарт за пределы рациональности интуиции, репрезентации с их очевидностью и достоверностью?³ В этой полемике Фуко подметил, что новая эпоха начинается с особого рода акта – с объективации. Акт объективации и стал средоточием картезианской философии.

Эти споры свидетельствуют о том, что теоретическое и философское наследие Декарта является ареной острых дискуссий и противоборства различных, нередко альтернативных интерпретаций.

Актуальность темы данного диссертационного исследования определяется и тем, что проблема объективности оказалась весьма насущной для современного научного знания. Те критерии объективности, которые были выдвинуты и обоснованы в картезианской программе, были подвергнуты

² Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997.

³ Материалы этой дискуссии (Деррида Ж. *Cogito* и история безумия; Фуко М.. Моё чело, эта бумага, этот огонь) см.: Голобородько Д.Б. Концепции разума в современной французской философии. М.Фуко и Ж.Деррида. М., 2011. С. 96 – 175.

критике и замещены в последующем развитии методологии иными критериями (общезначимость, intersубъективность, проверяемость, фальсифицируемость и др.). Однако это отнюдь не означает, что в определенных сегментах научно-теоретического знания эти критерии не действуют или не эффективны (например, в аксиоматико-дедуктивном методе). Поэтому разработка тех процедур (прежде всего акта объективации), которые присущи аналитической программе Декарта, является междисциплинарной задачей, объединяющей философов, методологов и историков науки.

По мнению автора диссертации, Декарта следует рассматривать не только как мыслителя, заложившего начала современной науки - математики и физики, но и современных установок и ориентаций мышления (в широком смысле слова). Например, Ж.П. Сартр называет его идейным отцом современной демократии, основанной на автономности личности. Анализ картезианской программы под этим углом зрения актуален и сейчас.

Итак, целиком проблему можно сформулировать следующим образом: каково место и какова роль методологии Декарта в формировании ядра логики современного мышления, как на переломе от Средних веков к Новому времени осуществляется переход, сворачивание предыдущей логики и разворачивание новой. В методологической программе Декарта можно выявить не только точку, или момент, трансдукции логики, но и способ, и те процедуры, каким эта трансдукция осуществляется.

Таким образом, актуальность темы диссертации состоит еще и в том, чтобы выявить значимость картезианской программы в эпоху кризиса европейской культуры, цивилизации и самой философии, показать эвристическую мощь картезианской логики развития мысли. Таким образом, рефлексия и уяснение оснований методологии и логики Декарта может стать средством становления нового мышления, и, выражаясь гегелевским языком, способствовать переходу духа на новую ступень.

Интерес к методологии Декарта не ослабевает, а наоборот усиливается⁴. Это объясняет выбор цели данного исследования: подвергнуть философско-методологическому анализу проблему объективности и выделить те акты и процедуры, которые являются специфическими в картезианской исследовательской программе. Раскрывая содержание понятия объективности у Декарта, показать, как осуществлялся переход от схоластической трактовки объекта к выдвижению новых концепций объекта и объективности в философии Нового времени, исходя из радикальной смены взаимоотношений субъекта и объекта.

Теоретической базой диссертационного исследования послужили философские концепции науки и развитые в них категориальные средства (исследовательская программа, объективность, intersubjectивность, акты и содержание когнитивных процессов и др.). В работе использованы данные, полученные отечественными и зарубежными исследователями аналитической исследовательской программы. Наиболее обстоятельно эта программа представлена в работе Э.Гуссерля «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология», где Декарт представлен как первый методолог науки, зачинатель новоевропейского рационализма и наукоучения, основанного на редукции сложного к простым началам. Однако феноменологический подход неявно предполагает построение концепции науки, помещаемой в некое изолированное идеальное пространство «узрения сущности». Наука является феноменом европейской культуры и существует в истории, поэтому она подчиняется и своей собственной логике развития, и логике развития культуры в целом.

Объектом нашего исследования является картезианское понимание природы объективности.

⁴ См. библиографию книг о Декарте, выпущенных за последние 50 лет: René Descartes. *Philosopher. Mathématiciens*. Subject of Books // www.nndb.com/people/074

Предметом исследования является анализ того своеобразия, которое присуще картезианскому пониманию объекта и объективности с помощью сопоставления его со схоластическо-средневековой традицией.

В соответствии с поставленной целью, в исследовании предполагается решение следующих конкретных задач:

1. Дать анализ имеющихся в философской литературе представления о понятии объективности у Декарта.
2. Проанализировать вклад Декарта в коренное изменение философских категорий «объект – субъект».
3. Выявить те методологические и эпистемологические процессы, которые стоят за этим изменением.
4. Определить смысл понятия «объект» у Декарта, выявить когнитивные структуры, которые приводят к картезианскому понятию объективности, понять процессы объективации и механизмы, ведущие к объективности.
5. Попытаться уяснить в по-иному понятой объективности тот проект современности, который выдвинут в философии Декарта.
6. Раскрыть узость тех трактовок картезианской методологии, которые отдают приоритет исключительно пониманию в ней субъекта познания и настаивают на субъективном характере этого понимания.

Теоретические методы исследования включают в себя выделение проблемы, сопоставление различных ее интерпретаций, сравнительный анализ позиций, развитых в отечественной и зарубежной литературе, уяснение существа критерия объективности в картезианской программе как акта объективации. Текстологический анализ существующих позиций и текстов самого Декарта позволяет осмыслить своеобразие и эвристическую ценность критерия объективности в картезианстве.

Для того, чтобы анализировать мышление или логику мышления определенной эпохи, необходимо обратиться к порожденной им системе категорий, потому что мышление всегда категориально. По словам В.С. Библера, «утверждение, что человек мыслит в системе категорий, по сути, равнозначно утверждению, что человек мыслит». При этом каждая из категорий имеет смысл и значение только в системе категорий, только как «фокус всей категориальной системы»⁵. Поэтому, рассматривая категорию «объект», которая, на наш взгляд, является базовой для Декарта, мы должны учитывать, какое место она занимает по отношению к таким категориям, как субстанция, предмет, природа, но особенно по отношению к “субъекту” как своей категориальной паре.

Из всех особенностей категориальной структуры мышления необходимо особо отметить следующие:

Во-первых, каждая эпоха создает свои системы категорий, а наиболее развитые из них «снимают» предыдущие. Специфика развития теоретического мышления, его генезиса в человеческой истории заключается в возникновении качественных переворотов (революций) в логике мышления. «Каждый такой переворот означает, что вся система категорий достигает качественно нового уровня, он означает коренное изменение понимания того, в чем состоит “сущность” вещей, в чем находится “достаточное основание” для их “существования”, каков механизм связи и взаимоперехода “причины и действия”»⁶.

Во-вторых, причиной изменения логического строя мышления является коренное изменение практической деятельности, которое «открывает перед человечеством новый срез бытия, позволяет сформировать новое понятие о предметной сущности»⁷. Поэтому нельзя рассматривать изменения категориального строя в отрыве от ключевых проблем, на разрешение которых направлена вся жизнедеятельность человека.

⁵ Библер В.С. Гегель, Маркс и проблема превращения логического строя научной деятельности / Пер. с нем. Ахутин А.В. // http://www.bibler.ru/bis_gegel_marx.htm#sdendnote1anc

⁶ Там же.

⁷ Там же.

И, в-третьих, смена логического строя мышления предполагает, помимо изменения идеальных объектов познавательной деятельности, также самопознание и самоизменение субъекта деятельности. Иными словами, смена типа мышления, которая предполагает переопределение ключевых философских понятий и логических категорий, включая в себя создание новой онтологии и новой антропологии.

Степень изученности темы

В современной зарубежной литературе существует большое число исследовательских работ, посвященных Декарту. Примечателен факт, что в 20-е годы XX в. в парижских университетах студентам запрещали брать философию Декарта в качестве темы магистерских работ, потому что исследования философии Декарта были на первом месте. Затем они оказались на 3 и 4-м месте. Но и в наши дни эти исследования на одном из первых мест, что можно объяснить юбилеем Декарта⁸.

Исследований, посвященных творчеству Декарта и картезианской программе, повторим, необозримо много, однако тема объективности не привлекала внимания ни отечественных, ни зарубежных ученых. Исследования в основном сосредоточены на картезианском понимании субъекта *cogito* и методологических началах науки. Статей и работ, посвященных собственно критерию объективности, мало, да и то в основном западные⁹.

В диссертации выделено несколько линий в трактовках понимания объекта у Декарта и его места в историко-философском процессе.

После И. Канта, осуждавшего Декарта за наивность онтологического аргумента, в котором выражено самонадеянное притязание классического разума на априорное заключение о существовании¹⁰, рассмотрена позиция защитников трансцендентализма, таких, как И.Г.Фихте, Э.Гуссерль,

⁸ Вот некоторые из них, касающиеся идеи объективности: *Bordo S. The flight to objectivity. Essays on cartesianism and culture. N.Y. 1987.*

⁹ Вот некоторые из них: *Cronin T. J. Objective Being: in Descartes thought and in a source of Descartes. Toronto. 1956.*; *Bordo S. The flight to objectivity. Essayson cartesianism and culture. N.Y. 1987.* Статьи: *Wells J. N. Objective Reality of Ideas in Descartes, Caterus, and Suárez. Journal of the History of Philosophy 28 (1). 1990.*; *Kaufman D. Descartes on the Objective Reality of Materially False Ideas. Pacific Philosophical Quarterly. 81 (4) 2000. P. 85–408.*

¹⁰ *Кант И. Критика чистого разума. Соч.: В 6-ти т. Т. 3. М., 1964.*

М.К.Мамардашвили¹¹, которые интерпретировали Декартово *cogito* как трансцендентальный субъект или как его прототип. А Гегель даже оправдал возможность картезианского аргумента бытия Бога.

Вторая линия, рассмотренная в диссертации, представлена в неотомистской философии Э. Жильсоном и Ж. Маритеном. Они рассмотрели философию Декарта в контексте его взаимоотношений с доктриной св. Фомы Аквинского и с католической теологией в целом. Причем, если Жильсон оппонировав Декарту, относился к нему скорее с симпатией и пониманием, то Маритен - резко негативно. Столь же резко относился к Декарту и В.С.Соловьев, истолковывая его с религиозной позиции. М. Марион, так же как и Жильсон, ищет основания картезианской метафизики в теологии, через реконструкцию вопросов, на которые искали ответы средневековые теологи, и которые сохранились в Новое время. Одним из таких вопросов является вопрос об аналогии между божественным и человеческим разумом¹².

Остро критическая позиция по отношению к Декарту отстаивается в фундаментальной онтологии М. Хайдеггером, который, споря с трансценденталистской интерпретацией, обращается к трактовке Декартом объекта, вещи, субстанции Декарту как к выражению метафизики сущего, а не бытия.

Отношение к Декарту в постмодернистской философии столь же критическое. М. Фуко считает его выразителем гегемонии классического разума. В противовес Фуко Деррида показывает значимость декартова анализа неразумия и считает его создателем дискурса модерна¹³. Ж.П. Сартр, как и К.Поппер, видит в Декарте отца современной демократии, заложившего такие ее начала, как автономность индивида и особое понимание свободы, как

¹¹ М.К. Мамардашвили также подчеркивает множество экзистенциальных моментов в философии Декарта, однако на наш взгляд, наиболее четко выражена его трансценденталистская позиция.

¹² См. Э. Жильсон: «Тот факт, что в XVII в. Декарт и Лейбниц решили считать философскими утверждения, до того считавшиеся богословскими, не изменил природы этих утверждений. Либо они так и не стали философскими, либо уже были таковыми... Неожиданно для себя историк обнаруживает, что в философские учения XVII века, бунтующие против теологии, переходит множество заключений, сделанных в XIII в. теологами, которые никогда и не желали быть никем иным» (цит. по *Marion J.-L., Sur la théologie blanche de Descartes. 1981, 2e éd. 1991. С 7.*

¹³ См.: *Голобородько Д.Б. Концепции разума в современной французской философии. М.Фуко и Ж.Деррида. М., 2011.*

свободы отрицания. Н. Хомский называет свой проект лингвистики картезианским, подчеркивая врожденность способности к усвоению языка¹⁴.

В философии науки (К. Поппер, А. Койре) картезианская программа рассматривается с точки зрения принципов, заложенных Декартом в формируемую им “универсальную науку”.

В отечественной литературе, посвященной философии науки, можно назвать работы таких исследователей, как В.Ф. Асмус, М.К.Мамардашвили, Я.А. Ляткер, В.В.Калиниченко, П.П. Гайденко, В.М.Розин, Т.А. Дмитриев, Н.В.Мотрошилова, П.П.Гайденко, Т.Б.Длугач, и др. На них мы особо остановимся в первой главе.

Существует еще одна линия историко-научных исследований картезианства и его влияния на научное знание. Так, историк науки С.Ф. Васильев утверждал, что метафизика Декарта выполняла одну лишь функцию – расчищения дороги физике и делает акцент на достоинствах и изъянах физики Декарта¹⁵. Мы не будем останавливаться на этой линии, потому что нас интересуют эпистемологические и онтологические проблемы, поставленные им.

Новизна исследования

- В рамках философско-методологического исследования аналитической картезианской программы рассмотрено понятие «объективность», которое отличается и от кантовской «общезначимости», и от гуссерлианской интерсубъективности.

- Показано, что критерий объективности в трактовке Декарта совпадает по своему содержанию с идеей объективации и коренится, с одной стороны, в самоочевидности интуиции и, с другой стороны, в открытости мышления бытию.

¹⁴ Хомский Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли. М., 2005.

¹⁵ См.: Васильев С.Ф. К вопросу об историческом возникновении физики Декарта. Баку, 1929; см. также: Любимов Н.А. Философия Декарта. СПб.1886; Быховский Б.Б. Философия Декарта. М., 1940. См также: Сретенский Н.Н. Лейбниц и Декарт. Критика Лейбницем общих начал философии Декарта. СПб. 2007.

- Проанализированы акты и механизмы объективации мышления, которые обуславливают конструктивизм в трактовке сознания и машину аксиоматико-дедуктивного метода в построении математики и аналитической геометрии.

Положения, выносимые на защиту

1. Декарт в диссертации рассмотрен как представитель и носитель логики новоевропейской культуры с новым, характерным для нее типом всеобщности, отличным от всеобщности предыдущей эпохи. Более того, картезианская программа стала логико-методологическим ядром Новоевропейской культуры.

2. Анализ истоков критерия объективности как фундаментального в классической науке показал его связь со средневековой онтологией. Объективность идей, рассматриваемая Декартом в «Размышлениях о первой философии» предполагает онтологический аргумент, открытость человеческого мышления бытию и Богу. Исходя из объективного содержания идеи бытия и Бога, Декарт заключает об их реальном существовании. Это обстоятельство напрямую отсылает нас к аргументу бытия Бога Ансельма Кентерберийского, который он сам называл «единственным аргументом».

3. В диссертации проведена параллель между идеей объективности Декарта и философской теологией Ансельма Кентерберийского¹⁶. Во-первых, Ансельм Кентерберийский употребляет глагол “obiicere” в значении “возражать”, когда отвечает на возражения (“obiectiões”) монаха Гаунилона¹⁷. Возражения той или иной идее свидетельствуют о сопротивлении ей, о той объективности, которая противостоит разуму другого исследователя. Во-вторых, «онтологический» аргумент Ансельм строит, исходя из смысла слова “Бог” – это то, более чего ничего нельзя помыслить (cogitari). Вопрос ставится следующим образом: «Понимает ли говорящий смысл слова “Бог”?». Если понимает, значит, Бог присутствует в его интеллекте, из чего делается вывод о

¹⁶ В первую очередь мы обращаемся к его произведению “Прослогион”, которое иначе называется “Fides querens intellectum”, что в переводе означает “вера ищущая уразумения”.

¹⁷ Еще одна интересная параллель заключается в том, что Декарт также включает возражения в свой текст “Размышлений”.

Его реальном существовании. Здесь обнаруживается особое понимание предметности смысла, как вещи, присутствующей в интеллекте. Этот подход трактуется в диссертации как генетическая основа картезианского понимания критерия объективности.

4. В диссертации рассмотрена такая ключевая философская категория как субстанция под углом зрения картезианского дуализма субстанций. Это позволило проследить фундаментальные онтологические изменения, произошедшие при переходе от схоластики к науке Нового времени. На наш взгляд, переопределение и переосмысление понятия «субстанция» в наибольшей степени раскрывает проблематику предельной онтологии эпохи, то есть предлагаемые ответы на вопрос «Что же на самом деле есть?» Онтологическая картина (представление о том, *что* и *как* существует), с одной стороны, задается изменяющейся человеческой практикой, а с другой стороны - начинает сама определять и формировать новые формы жизнедеятельности человека. Гегель пишет об этом: «Посредством знания дух выявляет различие между знанием и существующим. Это же знание порождает затем новую форму развития. Новые формы суть сначала лишь способы знания, и, таким образом, появляется новая философия; но так как она представляет собою уже дальнейший характер духа, то она является внутренней колыбелью духа, который позднее приступит к созданию действительной формации»¹⁸.

Выдвинутая в диссертационном исследовании гипотеза заключается в том, что одной из точек трансдукции является момент, когда категория субстанции перестает быть ключевым понятием, вокруг которого строится онтология, и уступает свое место категории «объект», что, в свою очередь, и формирует новую структуру мышления, характерного для эпохи Нового времени, которое получило свой расцвет в эпоху модерна и кризис которой мы наблюдаем в эпоху постмодерна.

¹⁸ Гегель Г. Лекции по истории философии. Кн. I // Гегель Г. Сочинения. Т. IX. М., 1932. С. 55.

Практическая значимость исследования

Материалы и методологию кандидатской диссертации можно использовать в преподавании курса философии и методологии науки Нового времени, раздела посвященного Декарту.

Апробация диссертации

Основные положения работы и результаты исследования докладывались и обсуждались на профильных научно-практических конференциях и были опубликованы в виде тезисов и научных статей в соответствующих сборниках.

Структура диссертационной работы

Диссертационное исследование состоит из трех глав. В первой главе «Историография» мы рассмотрим наиболее важные исследования творчества Декарта, которые раскрывают его влияние на формирование новоевропейского типа мышления. Во второй главе «Возникновение понятия “объект”» проследим возникновение этого понятия в латинской схоластике с тем, чтобы в третьей главе «Рене Декарт. Новый смысл объективности» показать трансформацию этой категории, осуществленную Декартом. Выводы представлены в заключении.

Краткое содержание диссертации

Во **введении** обосновываются актуальность темы исследования, его новизна, обозначаются объект и предмет, определяются цели и задачи, характеризуются методологические основы диссертации, теоретическое и прикладное значение результатов работы и формулируются положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** работы представлен обзор различных интерпретаций картезианской программы, прежде всего проблемы объективности. Подробно описываются разные линии в трактовках понимания объекта у Декарта и его места в историко-философском процессе: трансцендентализма, неотомизма,

фундаментальной онтологии М. Хайдеггера, постмодернизма, критического рационализма К.Поппера.

Среди этих интерпретаций выделены: анализ истолкования связи картезианского субъекта с «другим» (П. Рикер), многообразие логических начал в новоевропейской философии XVII в. (В.С.Библер), возможности театральной игры и самого Декарта и субъекта *cogito* (С.С. Неретина, А.П. Огурцов), а также построения на базе картезианского *cogito* построения нового дискурса (М.Фуко, Ж Деррида, Ж Делёз).

Во второй теоретической главе указывается на современную полемику вокруг понятий «объект» и «объективность», представлен анализ возникновения этого понятия в Средние века и у Декарта.

Споры вокруг понимания реальности объекта – одни из важнейших споров в современной философии науки. Алан Мегилл отмечает, что, несмотря на множество разнообразных предположений, «реальное содержание понятия “объективность” остается загадкой. Зачастую гораздо проще сказать, чем объективность не является»¹⁹. Мегилл выделяет четыре основных типа научной объективности: абсолютный, дисциплинарный, диалектический и процедурный. Абсолютная объективность претендует на возможность постижения вещей, какими они являются на самом деле. Дисциплинарная объективность предполагает консенсус в конкретном научном сообществе. Диалектический тип объективности исходит из взаимодействия субъекта и объекта. Процедурный тип объективности исключает субъективность в попытках постичь истину.

Споры вокруг понимания реальности объекта – одни из важнейших споров в современной философии науки. Для современной философии науки характерно противостояние конструктивистской и натуралистской установок в трактовке природы объектов научного знания. Конструктивизм, как отмечает А.П.Огурцов, подчеркивает техногенность природы, а натурализм отдает предпочтение природным телам вне и независимо от человеческой жизнедеятельности и техники. Картезианская программа нередко

¹⁹ Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007. С. 361.

анализируется как первый вариант конструктивизма, что приводит к пониманию объекта как результата полагания субъектом.

Альтернативность конструктивизма и натурализма объясняется разрывом техники и природы, их пониманием как двух отдельных реальностей, а не в их единстве. Такого рода подход предполагает новую онтологию, снимающую различия искусственного и природного объективного и субъективного, материального и духовного.

Центральная проблема, обсуждаемая в этой главе, - проблема объекта и объективности у Декарта. С одной стороны, он является родоначальником классического типа объективности и конструктивистского понимания объекта, с другой стороны, в его сочинениях представлены натуралистические установки, которые должны быть преодолены при конструктивистской парадигме. Эта дилемма в трактовке категории «объект» формируется уже в Средние века.

В параграфе «Понятие “объект” в эпоху латинской схоластики» второй главы анализируются особенности употребления термина “объект” в схоластической литературе.

Латинский термин *objectus* появился в первой половине XIII в.²⁰ В схоластической мысли можно выявить ряд его значений:

- номинальное определение как противоположное способности души, материя, на которую направлена душа;
- разделение мотивирующего и терминирующего объекта. Мотивирующий объект это то, что вызывает действие способности души на себя, а терминирующий - то, в чем эта способность находит свою цель и в чем она завершается;
- различение формального и материального объекта. Формальный объект – определение способности, та форма, которую способность накладывает на воспринимаемую вещь, например, к зрению относится цветовое

²⁰ См.: *Kobusch Th. Objekt.* //Historisches Wörterbuch der Philosophie / Hrsg. von J.Ritter und K.Gründer. Band 6: Mo – O. Basel 1984. S. 1025 – 1052.

- восприятие вещи. Материальным объектом является сама воспринимаемая вещь с точки зрения ее цвета – например, “красное”;
- бытие объекта в интеллекте и в вещи как реально общего. Определенность объекта существует в качестве реально общего и в вещи, и в интеллекте, за счет чего происходит узнавание вещи интеллектом;
 - нахождение реально общего в вещи как прямое свидетельство Бога, который наделяет вещь определенностью объекта; объект, в свою очередь, направляет человеческую способность к истине;
 - каждая вещь одновременно является и объектом, и субъектом, поскольку действует и страдает одновременно.

Выделенные смыслы термина “объект”, сформировавшиеся в схоластике, важны для понимания того, что такое объект в Новое время, в частности - у Декарта, который заложил идеал науки как объективного знания, где объект не лишен всех этих сложившихся в Средневековье функциональных и онтологических смыслов.

В параграфе «Ансельм Кентерберийский. “Объект” единственного аргумента» второй главы анализируется смысл термина «объект» в средневековом мышлении и языке.

Еще до возникновения этого термина проблема объективности была поставлена Августином в трактате «О христианском учении», в котором он писал, что каждая вещь является одновременно и вещью и знаком, отсылающим нас к другой вещи, то есть обозначаемым и обозначающим. Единственно истинной вещью является Бог, поскольку он есть только то, что есть. Чистым же знаком является Ничто, так как оно – «то, чего нет», или *nulla res*. Все сотворенные вещи, одновременно являющиеся и вещами, и знаками, причастны друг другу и Богу, будучи вместе с тем выделенными как отдельно существующие. Такие вещи-знаки есть результат Божественного акта творения. Такая вещь, как человек создан по образу и подобию Бога, получив от Него возможность мыслить и говорить. Это значит, что божественный акт творения продолжается в вещи и становится ее собственным актом. Потому сотворенная

вещь всегда является и объектом, и субъектом одновременно и никогда только тем или иным.

Такая субъект-объектная позиция выражена в Средневековье и на смысловом (понятийном) уровне и на уровне грамматики. Так, Ансельм Кентерберийский в трактате «Об истине»²¹ приводит пример употребления в одном предложении активных и пассивных причастий, от которых зависит статус действующего лица: «Nis quod studens et legens didicit, nonnisi coactus docet» (22), что переводится как: «То выученное и прочитанное, чему он обучился, он преподает, побуждаемый этим (выученным и прочитанным)». В этом предложении активными причастиями являются «выученное» и «прочитанное», а пассивным – «побуждаемый». Одно и то же лицо в данном предложении, действуя (обучая) и испытывая воздействие (получая образование), является и субъектом, и объектом действия. В зависимости от времени причастия меняется его *modus essendi*. Этим примером показано, насколько сам язык задает эквивокальность деятеля, как объекта и как субъекта.

В третьей, теоретической, главе проводится анализ изменения философского категориального аппарата, который отражает изменения происшедшие в онтологии, то есть в представлениях о бытии сущего, а также анализ картезианской трактовки способностей, который свидетельствует об изменении понимания человека по сравнению со Средними веками. Анализ осуществляется с целью проверки гипотезы, выдвинутой диссертантом, которая состоит в том, что на рубеже Средневековья и Нового времени произошло переопределение бытия сущего из формы бытия-в-речи в форму бытия-в-мышлении. Такой переход прослеживается в философии Декарта и связан с раскрытием им сути особого звена, опосредующего мышление и бытие – идеи. Этот переход связан с переосмыслением философского категориального аппарата. Анализ, проведенный на примере категории “субстанция”, показывает, что Декарт не принимает аристотелевско-схоластическую

²¹ Ансельм Кентерберийский. Об истине.// Ансельм Кентерберийский. Сочинения. – М.: Канон, 1995.

²² Ансельм Кентерберийский. Об истине. Указ. Соч. С. 192.

категориальную систему, которая составляла учение о сущем Фомы Аквинского и Ф. Суареса. Говоря о дуализме протяженной и мыслящей субстанции и соглашаясь с их терминологией до разделения сущего на телесное и бестелесное, Декарт считает, что надо называть вещь и субстанцией только то, что существует само по себе. «Под субстанцией мы можем разуметь лишь ту вещь, коя существует, совершенно не нуждаясь для своего бытия в другой вещи»²³. Расчленение дальнейших категорий также происходит иначе, чем в предшествующей философии. Декарт утверждает, что «все вещи могут быть выстроены в некие ряды, хотя и не постольку, поскольку они относятся к какому-либо роду сущего, подобно тому, как философы распределили их по своим категориям, но только поскольку одни из них могут быть познаны на основании других»²⁴. Дальнейшего различения субстанций он не осуществляет, поскольку отказывается от родо-видовой схемы. Исходным пунктом категориального расчленения и создания определенных рядов или серий для материальных тел является их однородность и протяженность, а для «*res cogitans*» - природа мышления: «Все прочее, что может быть приписано телу, предполагает протяженность и являет собой лишь некий модус протяженной вещи; равным образом всё, что мы усматриваем в уме, являет собой лишь различные модусы мышления»²⁵. Из такого анализа становится ясно, что ничего, кроме природы, под субстанцией не понимается. Природа мышления и природа протяжения это и есть две субстанции и две вещи одновременно. Таким именно образом понимать Декарта нам позволяет его словоупотребление: у него мышление (природа), мыслящая субстанция и мыслящая вещь – синонимы.

Также, Декарт отождествляет материю и протяжение, и, как следствие, пространство и тело²⁶. «Мы убедимся, что природа материи, или тела, рассматриваемого вообще, состоит не в том, что оно — вещь твердая, весома, окрашенная или каким-либо иным образом воздействующая на наши чувства,

²³ Декарт Р. Первоначала философии. // Декарт Р. Сочинения в 2 т.-Т. 1.- М.: Мысль, 1989. С. 334.

²⁴ Декарт Р. Правила для руководства ума. Указ. Соч. С. 92.

²⁵ Декарт Р. Первоначала философии. Указ. Соч. С. 335.

²⁶ См. об этом: Койре А. От замкнутого мира к бесконечной вселенной. М., 2001. С. 85.

но лишь в том, что оно — субстанция, протяженная в длину, ширину и глубину.»²⁷. «Мы легко поймем, что одно и то же протяжение составляет природу как тела, так и пространства и что тело и пространство друг от друга разнятся не больше, чем природа вида или рода разнится от природы индивидуума»²⁸.

Изменение категориального аппарата говорит о том, что сущее или то, что есть, стало пониматься иначе. Если для античного мира субстанцией или истинно сущим, тем, что собой задает онтологическую единицу, что является чем-то устойчивым и непреходящим в мире вещей, для Средневековья это - Бог и слово, или даже Божественное слово, то для Нового времени, начиная с Декарта, бытие дается в мысли. Бытие впервые «схватило» себя в мысли о себе, а не в слове о себе, в отличие от Средневековья, и не скрывается в порядке вещей, как в Античности. Философский язык стал сказываться не о вещи, не о слове, а о мысли. Вследствие этого как нечто сущее стали возникать предметности (как организованности мышления), и язык стал предметным, а не вещным и не знаковым. То есть стал именовать не сами вещи, не организованности языка (значения и смыслы) а предметы мысли (при этом старые онтологии никуда не исчезли, просто отошли на задний план).

В контексте смены онтологических представлений меняется представление об объекте познания. В отличие от представления об объектах в Средние века как об общем, содержащемся в способности и в вещи, на которую способность направляется, благодаря чему происходит узнавание вещи нашей способностью, для Декарта такая непосредственная связь вещи и познания перестала существовать. Такая связь была разорвана сомнением, в результате чего стало ясно, что наши познавательные способности не доносят до нас истину, поэтому для постижения вещи требуется, с одной стороны, особая организация способности, с другой — особая организация вещи, что соответствует методу и объекту.

²⁷ Декарт Р. Первоначала философии. Часть вторая, параграф 4. Указ. Соч. С. 350.

²⁸ Там же. Часть вторая, параграф 11. С. 353.

Подобное представление о необходимости некоторой организации познаваемого в форме объекта впервые поставило проблему онтологии в ее прикладном значении, то есть выявило необходимость работы по определению характера познаваемых объектов. Проблема заключается в том, что онтологию нужно не открывать, а специально выстраивать, причем как физическую онтологию, так и онтологию мышления.

Анализ представлений о способностях Декарта позволяет сделать вывод о резком размежевании средневекового интеллекта и картезианского, которое обусловлено тем, что Декарт необходимо противопоставляет интеллекту как искусству понимания технологичный интеллект репрезентации. Такая необходимость связана с тем, что изменившийся тип производства или практической деятельности требует соответствующий себе тип мышления²⁹.

У Декарта впервые технология начинает противостоять искусству, разумная способность, по Декарту, должна быть приведена в форму методологической технологии для познания истины. Это означает, что, пользуясь методом, каждый, даже самый посредственный ум, сможет достичь истины относительно интересующих его вещей. Не случайно Декарт подробнейшим образом описывает свой опыт «*cogito*». Это первый и главный мысленный эксперимент, в том смысле, что для Декарта это не частный опыт – медитация, а первый закон мироздания. Но если закон, значит, эксперимент должен воспроизводиться. Поэтому Декарт приглашает каждого проделать этот эксперимент и убедиться в его законности, то есть неотвратимости и необходимости.

Анализ картезианского *cogito*, однако, невозможен без связи с доказательством бытия Бога, хотя именно это часто случается в литературе о Декарте. Однако если произвести его в этой связи, то это существенно меняет смысл понимания самой когитальности, изменяя ее статус. На основании

²⁹ Оставим открытым вопрос о типологии и ограничимся лишь указанием на взаимозависимость типа производства и типа мышления. Например, В.С. Библер основанием для выделения типов считает способ производить движение и обслуживающий его способ мыслить или понимать идеализированный предмет производства (движение) и выделяет антиномический тип мышления, характерный для Нового времени. См. *Библер В.С. Гегель, Маркс и проблема превращения логического строя научной деятельности* // http://www.bibler.ru/bis_gegel_marx.htm#sdendnote1anc.

исследований М.Геру, П.Рикёра, С.С.Неретиной и А.П.Огурцова, кажется очевидным, что тезис «*cogito ergo sum*» имеет третий компонент «*ergo Deus est*». Трудность, связанная с претензией *cogito* на роль первого основания, разрешается самим способом доказательства бытия Бога, которое переворачивает порядок рассуждения. Во Втором и Третьем размышлении произведения Декарта «Размышления о первой философии» именно достоверно существующий Бог оказывается тем первым основанием, которое ставит достоверность *cogito* в позицию, подчиненную Божественной истинности. Первым «в порядке вещей» становится Бог, в то время как *cogito* лишается статуса первого основания.

Физический мир (онтология физики) для Декарта возможен вследствие ясного и отчетливого (истинного) воображения, которое, согласно Декарту, является способностью души и способно запечатлеть в себе фигуры вещей и удерживать их в течение времени, будучи уже памятью.

Воображение для Декарта не создает образ, но только пассивно принимает механические отпечатки вещей, именно поэтому в нас не может быть такой идеи, объективная реальность которой может не содержаться формально или актуально в какой-либо вещи. Фантазия может только составлять идеи из других, но не творить их из ничего. Поэтому неверно говорить о том, что Декарт творит новый мир в воображении, он его конструирует из уже врожденных идей, тщательно сдерживая свою волю и стараясь не вносить в него произвола или не оставить никаких пустот.

При этом идеи, которые представлены в интеллекте, формально суть одни и те же, независимо от того, получены ли они интеллектом из воображения, врожденны ли (то есть являются чисто интеллектуальными) или являются плодом фантазии. Это говорит об особой функции интеллекта - интуиции как репрезентации идеи в качестве объекта. Интуиция - это не пассивное восприятие, но еще и специальная деятельность по продуктивному полаганию или репрезентации вещи в качестве объекта.

Подобно тому, как внешние материальные вещи впечатаны в наше чувствилище как печать в воск, нам в интеллект впечатаны врожденные идеи и

понятия. Все, что создано воображением, может быть артикулировано мной (в фантазии), однако то, что впечатано в интеллект, и поскольку оно является истинным, то есть причастным бытию, является творением Бога. Эти врожденные идеи нельзя относить к результатам воображения, а источником иных идей является воображение, способное составлять идеи протяженных вещей из других идей. Наш интеллект также не способен порождать идеи, но обладает способностью к интуиции, то есть представлять и воспринимать. Собственно в этом отличие понимание интеллекта Декарта от интеллекта в Средневековье, которое ориентировало на постижение смысла *слова*, а не на репрезентацию *объекта*. Главным отличием смысла от идеи объекта является то, что смысл неисчерпаем и уникален. Поэтому он - *продукт личного мастерства* и не поддается методологической репрезентации и регуляции.

Эта идея близка, на наш взгляд, анализу М.К.Петровым проблем трансляции культурного наследия и соотношения уникального и повторяющегося, творчества и репродукции, канона как грамматики творчества и закона как демиурга повтора. В поисках формулы нормирования уникального, он ввел внутрь пары «творчество – репродукция» промежуточный термин, который назвал «творчеством репродукции». Мысль о необходимости введения этого термина была связана с временем начала науки, когда начал действовать репродуктивный механизм передачи навыков, связанный не с постепенной их «естественной» эволюцией, а с новыми технологиями. Это обстоятельство привело к растворению понятия «репродукция» в понятиях деятельности, мышления, опыта и творчества. Между тем репродукция – это, по определению философа, «основной тип *биологической и социальной деятельности*»³⁰, результатом ее является продукт. В творчестве репродукции человек является подготовленным к отчуждению в мир природы своих репродуктивных функций, он выступает как мастер, подготовленный к творчеству истории, как родовое, историческое понятие, не подвластное рождению, смерти или каким-то иным случайностям судьбы. Это происходит,

³⁰ Петров М.К. «Искусство и наука. Пираты Эгейского моря. М., 1995. С. 15. Курсив мой.

на мой взгляд, именно в силу того, что идея воспроизводится с необходимостью – как результат технологии.

«Способность повторять одну и ту же операцию в одном и том же режиме и с тем же самым результатом»³¹ является главной особенностью машины. Так же и интеллект Декарта продуцирует мир в предметном воплощении, и каждый индивидуальный интеллект, следуя методу, будет получать тот же по сути предмет в его, однако, разнообразных проявлениях.

Таким образом, анализ картезианской концепции антропологии привел к уяснению роли машины в творчестве Декарта. Как известно, в этом видел суть картезианского рационализма и подвергал его критике М.Хайдеггер.

Идея врожденности способностей, однако, обрела смысл в ряде концепций искусственного интеллекта. В книге Д.Хофштадтера «Текущие концепты и творческие аналогии» описано самонаблюдение автора за редактированием собственного текста. В результате такого самоанализа обнаружилось, что при редактировании в сознании оставался след, появившийся и длившийся задолго до того, как были произнесены и напечатаны некие неожиданно для самого автора текста созвучия. Такая связь «старой» картезианской идеи с совершенно новой когнитивностью не представляется, однако, неожиданной в силу именно врожденности определенных способностей.

В заключении приведены выводы

1. Радикальный смысл изменения философского категориального аппарата Декартом состоит в том, что мышление было понято как открытое бытию. Это стало принципом картезианской онтологии, осуществившей переход от понятия «субстанция» к понятию «объект».
2. Анализ картезианского *Cogito* в связи с доказательством бытия Бога, меняет смысл понимания самой когитальности, изменяя ее статус. Достоверно существующий Бог оказывается тем первым основанием, которое ставит *Cogito* в позицию, подчиненную Божественной истинности. Первым «в порядке

³¹ Подорога В. Номо ех machina. Авангард и его машины. Эстетика новой формы. //Логос. N 1 (74) 2010. С. 24.

вещей» становится Бог, в то время как *Cogito* лишается статуса первого основания.

3. Исходное понимание первого – Божественного – основания как неопределенного делает парадоксальной опору Декарта на ясные и отчетливые основания. Такой парадоксализм оказывается, однако, возможным, если исходить из возможностной логики (определение Библера), при которой ясные и отчетливые основания коренятся именно и только в мышлении: они есть, пока их мыслят, они теряются в разнообразии осуществлений.

4. В этом смысле картезианская программа новой онтологии мышления является фундаментальной, обуславливая появление разных логических начал прежде всего в XVII в. (Спиноза, Лейбниц), но оказав значительное влияние на последующих философ (Канта и Гегеля, Гуссерля и экзистенциалистов). Альтернативной программой является программа онтологии языка, развиваемая в параллельных Декарту направлениях (прежде всего, Арно и Николем).

5. Феномен картезианства разрастается до границ идеологии модерна вообще, если идеологию понимать исходно как логику идей, лежащих в основе миропорядка и мировоззрения, или составляющих связь последних. Авангард и его машины является апофеозом этого модернистского проекта.

6. С именем Декарта связано новое понимание интеллекта и свободы. Понятие интеллекта у Декарта имеет ряд особенностей, которые отличают его от традиционного представления о работе человеческого разума. Совершенно свободно человек может только заблуждаться. Там же, где он следует истине, он определяется, даже пред-определяется ею, то есть Богом. Поскольку Богу ничто не предшествует, то все, что Он желает, в человеческом разуме оформляется как инвариантная необходимая идея.

Научные публикации автора по теме исследования

1. Либерман Д.А. *Декарт. Объективность идей* //Методология науки: исследовательские программы. М., 2007 - С. 188-200.
2. Либерман Д.А. *Понятие «объект» у Ансельма Кентерберийского и Рене Декарта* // Тезисы к XV Международной научной конференции студентов, аспирантов, молодых ученых «Ломоносов» - М.: МГУ, 2008. // <http://www.lomonosov-msu.ru/2008/23.pdf> - С. 22-24.
3. Либерман Д.А. *Мышление и существование: картезианский анализ.*// Седьмая волна психологии В.6. -Ярославль Минск, 2009 - С. 115-118.
4. Либерман Д.А. *Некоторые аспекты категорий объекта и объективности в науке* // ЧФ: Социальный психолог. В. 2009. №2 (18) - С. 30-42
5. Либерман Д.А. *Генезис понятия «объект» в классической науке: схоластические и картезианские истоки* //Искусственный интеллект: философия, методология, инновации. Материалы III Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. М. – МИРЭА, 2009. С. 416 – 418.
6. Либерман Д.А. *Был ли Декарт дуалистом в онтологии?*// Философские науки. – М.: Гуманитарий, 2011. №. 11 (в печати).